

Н. З. Гаевская

КУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИЯ ЮРОДСТВА

...когда мир своею мудростию не познал Бога в премудрости Божьей, то благоугодно Было Богу юродством проповеदि спасти верующих.

1 Кор. 1, 20–21

Русская православная культура хранит и передает особый духовный опыт — опыт христианского подвижничества и аскетики. Одним из чинов подвижнических является юродство Христа ради, культурный и религиозный феномен социальной действительности, проявляющийся в определенных паттернах поведения и свойствах личности. Юродивые — социальный топос, вид служения. Стяжание Духа Святого в мнимом безумии. Феномен юродства обязан своим существованием эволюции религиозного опыта и имеет свои истоки в до-христианских формах. «Юродство Христа ради составляет столь редкий, столь трудный и вместе с тем столь высокий христианский подвиг, на который призываются Господом Богом только особенные избранники и избранницы, сильные телом и духом. Лишенные по-видимому разума человеческого, они прозревают тайны сердец человеческих, предрекают будущее, врачуют недуги,— и избавляют от немощей духовных своими наставлениями»,— пишет в конце XX в. исследователь юродства Ковалевский¹. Отношения подвижника с миром как в пространстве религиозного, так и в пространстве социального сложны и противоречивы. В аскетическом подвиге человек освобождается от невыносимости социальных подмен. Ложь и правда, являясь полярными понятиями, задают антитечность смыслового пространства. Окружающие, попадая в искаженный, надрывный мир юрода, желая прервать мучительную антитезу, стремятся к *Встрече*. Люди пытаются разрушить одиночество подвижника, в диалоговом окне установить связь и разгадать тайну его посланий. Тайна притягивает, обещая удивительное. Ведь только в сердечном откровении Встречи можно встретиться с подвижником, страдающим за грехи людские.

Встреча — это всегда со-бытие. Оно совершенно динамично. В основе ее со-творчество, в котором человек неосознанно стремится к очищению души через со-чувствование с ближним. Открытие Встречи может совершаться по-разному, это коммуникация,

¹ Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви.— М., 1901.— С. 2.

диалог, взгляд. Современному человеку явлен, по словам Анри Бергсона, «творческий акт, представляющий непрестанную жизнь, деятельность и свободу»².

Экзистенция встречи включает в пространство опыта все сферы: от Божественного, сакрального до профанного человеческого бытия. Напряжение и тревожность, ожидание опасности, предчувствие инсайта свидетельствуют о пограничности состояния. Но Встреча предопределена. Первое мгновение подобно прорыву в неизвестное, оно абсолютно истинно. Последующее проявляет стереотипы и механизмы социального функционирования.

Житийная литература основной источник информации о подвижниках, их жизни и подвиге. Жития блаженных юродивых во Христе проявляют смысловые поля феномена юродства, выделяют его сущностные черты³. Агиографический материал представляет период с III по XX вв.

Житийный материал показывает открытие Встречи как знакомство с будущим подвижником, его домом, семьей. Воспитание в вере Христовой — обязательное условие будущего подвига. Парадоксальность и противоречия семейной бытийственности еще одна особенность детства героя. Нарушение нормативного поведения, особенности характера вызвали настороженность окружающих, отрицание, неприязнь. А также желание проверить, вернуть к социальной поведенческой норме. Основным в коммуникации становится унижение и поношение. Люди не верят возможному подвижнику. Безумие, истинное или мнимое, одинаково страшит. При приближении к сакральному человек насторожен, готов к защите. Причина реакции окружающих — страх перед лицом — носителем неведомой силы, соединяющей обыденное и непредсказуемое.

В столкновении защитной реакции и стремления к познанию тайны сакрального пробуждаются сформированные архетипической памятью первичные механизмы восприятия. И если сакральное подвергает человека испытанию, то повседневное предлагает ему известные поведенческие схемы. Так *уличение* становится одной из целей унижения и поношения. Леонтий Неапольский писал, что «этот образ поведения лучше всех других подходит и наиболее удобен для тех, кто глупость Христа ради обличает. Таким способом он (юродивый. — *Авт.*) часто уличал и предотвращал прегрешения, и насылал на людей свой гнев ради их исправления»⁴. Дальнейшее развитие Встречи — это уличение. Встреча раскрывается в уличении, которое действует на всем пути подвижника, от принятия подвига в тайне до легитимизации. Смыслом приема, восходящего к византийским образцам, является прояснение роли, снятие маски через доказательство их не-искренности, ложности. «Мое дело — не уличать и наказывать грешников, а идти прямой дорогой, ведущей к спасению», — говорится в житии Андрея Царьградского⁵.

Первым уличает будущего юрода сам Господь. «И уже не я живу, а живет во мне Христос», — говорил Апостол Павел.

² Бергсон А. Творческая эволюция. — Мн., 1999. — С. 274.

³ Исследование проводилось по древнейшему житию Блаженной Исидоры Египетской (полная версия которого, а именно трехчастная, представлена переводом с сирийского, выполненным в монастыре Св. Саввы на Синае в VIII в.) и житию Дивеевской юродивой Христа ради Пелагеи, опубликованному по благословию Архиепископа Сиракузского в 1967 г. в Джорданвилле.

⁴ Leontios de Neapolis. Vie de Symeon le Fou et Vie de Jean de Chypre / Ed. A.-J. Festugiere. — 1974. — P. 269.

⁵ Murrey S. A Study of the Life of Andreas. — Leipzig, 1910. — P. 81.

Отношения подвижника и Бога пред-рефлексивны, не-интенциональны, предельно обнажены. Уличение дает возможность понять, принять и поверить в подвиг, если истинность одного будет доказана.

Этимологический анализ слова «уличение» позволяет исследовать оттенки значения и расширить смысловое пространство понятия⁶:

«уличить» от (лице/лицо/личѣ) ст.-слав. X–XI вв. — (lice, liko),

праслав. в значении «лицо, личина, маска, личность, облик, улика»,

«личѣ» — личити — обличать, личениѣ — вид, ѣличати — приводить улики,

«ѣличѣ» — уличить, доказать виновность.

Однако слово — «уличить» в значении «обвинять кого-либо в лицо ясными доводами, обличать в вине или преступлении, винить доказательно, свидетельствовать на кого-либо» зафиксировано в русском языке только в XVI в.

В период праславянских и старо-славянских языковых форм, а также на Руси с X в. существовала и другая форма:

«лоуча» — луч, свет, «лоучити» — встретиться, случиться, может быть.

В языковом пространстве присутствуют многочисленные варианты:

«оулоучати, оулоучение» — достигать, обретать, получить,

«ѣлочати, ѣлочаю» — достижение, достичь цели, «ѣлочевати» — отгадывать,

«олочо» — понять. Происходит сращивание форм:

«оулоучити» — осветить, объяснить, наставить, озарить, просветить,

«оулѣжити» — определить, предназначить, «ѣличати» — приводить улики, обличать.

В русском языке с XV–XVI вв. «лучить» — смотреть за чем-либо, выжидать, искать, глядеть, пытаться. С XVII в. — «коли Бог лучит» — «коли Бог даст», «лучаться» — попасться, оказаться, «лучать» — целиться, метить, иметь намерение, Бог допустил.

Существуют и иные семантические поля: «оулѣжити» — изогнуть, искривить, отделить, «лоучатисѣ» — удаляться, отстраняться, «лѣжити» — отделяю, разлучаю от праслав. *lociti — гнуть, связывать, делать гибким, направлять.

Перед нами предстает в языковой картине палитра отношений к юродивым как на Руси, так и во всем славянском мире. Через уличение, обвинение к улучению. Тяжело испытание юродивого. Гнутый (lociti), отделенный, кривой да раз (луч)енный. Самыми близкими людьми от (луч)енный. Нет лица у юродивого, оно скрыто ото всех. Маска ли это? Возможно. Но проявлено другое. Сорвана, снята, обнаружена она быть не может. В этом испытание юродивого. Как бы не стремились окружающие уличить в обмане и тем самым снять маску, герой не допускает этого. Ибо будут попораны подвиг и предназначение.

Двойное параллельное цитирование текста позволяет выявить вариативность механизма уличения. Наивность и простота житийного сказания, грубый примитивизм подробностей скрывают за иронией и гротеском тяжесть юродских страданий.

Господь уличает — указывает человека в раннем детстве. «Стала на пороге чертога своего, скинула одежды, сняла пояс златотканый, и, разбросав все это по земле, сказала: «отрину грех вместе с богатством». (Житие Исидоры Египетской — 1). «С малолетнего еще возраста с дочкою ея приключилось что-то странное: будто заболела девочка и, пролежавши целые сутки в постели, встала не похожей сама на себя» (Житие Пелагеи Серебrenиковой — 2).

⁶ Этимологический словарь славянских языков. — М., 1988. — Т. 15. — С. 75.

Когда мы ждем Встречу, то нам посылаются обстоятельства — это узнавание. Встреча раскрывается в узнавании. Бог узнает подвижника, провидит силу духа человека, указывает на степень подвига. Так подвижник вступает в подлинные отношения с Богом и передает нам свидетельство, суть которого есть разговор об узнавании.

Наступает ответная реакция профанного мира. Он не может не ответить на вызов. Принять — значит разрушить установленные нормы. Варианты уличения профанного мира перечислены в наивном описании событий. Просьба, позор, физическое насилие. Традиционные способы проверить правду-ложь, честность или обман. Тексты свидетельствуют о настоящих физических мучениях и издевательствах. «Те, которые видели ее, порицали ее и обвиняли» (1). «Уговаривали ее и срамили, даже и били, но ничего не помогало, так и бросили» (2).

Впечатление от встречи с юродивым всегда связано с потрясением и тревогой. Эмоциональная память фиксирует страх как основную реакцию на контакт. Восприятие этого чувства особенно обострено, поскольку человек воспринимает себя как существо греховное, а тревога и страх вечные спутники идеи грехопадения. Напряженное смысловое пространство «страха», как и многих других абстракций, строится на противопоставлении божественного и земного. Страх как земное чувство соотносится с плотскими страстями. Страх Божий — это страх «оскорбить Господа нарушением его святой воли, боязнь потерять любовь Бога». «Восприняв животом страх Божий», человек старался жить в соответствии с христианскими заповедями. И если земное чувство страха было ситуативно обусловлено, то чувство страха Божьего постоянно присутствовало в душе, влияя на жизнь и определяя все деяния. В отношении к страху раскрывается механизм культурной трансформации. Языческий страх становится страхом в грехе потерять связь с Богом.

Следующий этап в уличении юродивого — брак, свадьба. В житиях представлены различные варианты этого обряда и показано его влияние на путь юродства.

«Отец сделал ей золотой венец для того, кто женится на ней. Она сняла венец и сказала: «Отрину грех, чтобы был со мною один только Христос» (1). «Выросла Палага, и как всегда водится, лишь только ей минуло 16 лет мать постаралась поскорее пристроить дурочку-то,— выдать в замужество» (2).

Но нет ей жениха земного, не ищет она другого среди людей. Тайная встреча ждет ее. Встреча, людям не явленная, которую она одна чувствует всем сердцем. Мотив отрицания брачных отношений и самого брака — устойчивый мотив житийной литературы о юродивых. Неземной жених ждет героиню, девство чистое несут они ему. Земная любовь не для них. Уличение присутствует и здесь. Будущий супруг готов проверять свою невесту, учить ее. Не верит он ее притворе, дурачеству. Любящим сердцем чувствует истинную сущность. Да только не для него она, сущность эта. «Пелагия-то Ивановна чрезвычайно полюбила ему, и что она ни выделяла, дабы отклонить от себя этот не желательный, ненавистный ей брак, ни как не могла отделаться от него. А Сергей Васильевич говорил об этом так: — Нет маменька крестная, она вовсе не глупая, а только не кому было учить ее, вот она и такая...» (2).

Мир уличает человека, на чью долю выпадает подвиг юродства, с начала жизни. Мотивы одиночества, покинутости появляются в описании раннего детства героя вместе со смертью родителей. «Спустя несколько дней, по воле Божьей, умерли родители Египетской царевны» (1). «Промысел Божий устроил так, что вскоре он умер, оставив жену свою и трех малолетних детей сиротами» (2).

Смерть — важный архаический элемент в структуре подвига юродства. В реакции сознания юродивого смысловое пространство понятия смерти кодируется. Герой отказывается от имени, социального статуса, дома и семьи. Смерть для повседневного, профанного становится смыслом подвига юродства. Юродивый умирает для мира, становится странником в мире ином. Врожденные уродства или поведенческие отклонения являлись ранее причиной изгнания за племенную территорию, в места сакральных капищ и жертвенников. «Обладая особой невротикой, человек становился ритуальной фигурой в культе мертвых, принимая на себя функцию изображения покойника, отвечая перед племенем за связь с душой умершего. Общение с ним становилось табуированным», — пишет Леви-Брюль⁷. Вследствие трансформации прежнего смыслового уровня подвижник приобретает силу и сверхдолжные способности. Но одновременно воспринимается как табуированная фигура. Будучи связанным с потусторонним, соединяется в архетипическом сознании с образом мертвеца, что так страшит окружающих. Контакт с ним может привести к роковым последствиям. Демонстрация мнимого безумия обрывает последние связи с окружающими. Находясь на границе жизни и смерти, профанного и сакрального подвижник открывает опыт переживания границы повседневному. Юродивого уличает все, процесс тотален. Момент смерти родственников становится моментом принятия решения. «Если Богу угодно, что родители мои умерли до выхода моего замуж, я оставлю эту временную жизнь и буду искать спасения души» (1). «Впрочем мать Пелагеи вскоре вышла за второго мужа, человека сурового и строгого. Поэтому жизнь их в доме вотчима не могла быть покойна и радостна. Неудивительно после этого, что в девочке очень рано зародилось желание уйти и никогда не вступать въ среду таких уз» (2).

Суэта обыденного лишает нас идентичности в своем окружении, в связях и отношениях. Обретая Встречу с Богом и Божественным, мы вступаем в евхаристические отношения. Смерть для мира становится смиренной жертвой покаяния. С этого дня лицо героини сокрыто под грязной повязкой, тряпкой вместо шапки или платка. «Головное покрывало у нее было ветхое и непотребное» (1). «А голову обернет какою-нибудь самую грязною тряпкою, и пойдет или в церковь, или куда-нибудь на гулянье, — чтобы все ее видели» (2). Встретится с юродивым в повседневном невозможно, он становится представителем мира иного, обретает на границе сакрального. Возможная коммуникация предупреждается знаками опасности. Внешний вид юрода, костюмированность или обнаженность, детали фигуры, скрытость лица, босоноготь, судорожное бормотание в сочетании с надрывным жестом говорят не просто о табуированности, но о смертоносности. «Носящие смерть» юроды — ритуальная фигура, через которую проявляется сакральное. Начинается долгий путь в испытаниях, которые положил Бог для подвига необыкновенного. Смирение, голод, одиночество в молчании. «Лучше пойду в монастырь, где буду пребывать в молчании» (1). «Уже и просили-то мы ее, и уговаривали-то, и ласкали, молчит себе, — да и только. И чем более пересуждали ее, судили и пересмеивали, тем более радовали душу ее» (2). Смещение явленности настораживает и пугает. Задачей уличения становится разоблачение. Поймать на обмане, доказать, что герой обманывает окружающих, в поведении и облике его неправда, ложь, а значит подвиг его — шутка, дурь. Заставить стать в профанный ряд, вернуть обратно. Доказать, что герой обыкновенен, нормален, либо, что он действительно сумасшедший. «Ранее случаи смещения лицевой

⁷ Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. — СПб., 2002. — С. 51.

и изнаночной явленности были редкими, сакральными и, конечно, анормальными. Например, юродивый...», — пишет О. А. Штайн⁸. Явный смысл уличения — унижение гордости, гордыни. Скрытый смысл — попытка снятия маски, определение — перед нами лицо или личина.

Молитва непрестанная, ночи на паперти, страдания от людей. Через многие годы открываются для героинь двери монастырские. Встреча становится предметной, обретает конкретность и явственность. «В монастыре стану слугою всем, буду умывать ноги, буду как странная, терпя все от больших и малых, потерплю поношения ради Христа» (1). «Да вот и сама страдалница без всякого сопротивления с полною охотою оставила кров родной матери своей и с радостью отправилась в Дивеево» (2). В монастыре долгий путь испытаний продолжался. Уличали юродивых строгостью да подлыми работами, били почем зря, оскорбляли. «Сестры же били ее, и влачили по земле за ноги» (1). «Сестры ее пинали и толкали, бывало на ногу наступят, раздавят вовсе, да еще стоят на ней» (2). Встреча не раскрывается в отношения приятия. Греховность и страх толкают к ложным поведенческим выборам. Уличить в обмане значит отвести вину от себя. Когда переживание вытеснено, человек ходит по невротическому кругу греха и бессобытийности. Избегает пограничных состояний, защищается одиночеством в повседневном. Митрополит Иоанн Зизиулас пишет: «Для современного человека свойственен страх Другого. В нашей культуре защита от другого является фундаментальной. Однако, мы должны помнить, что страх Другого — это сущность греха»⁹.

Самое главное на юродском пути — откровение людям о нем и признание. Уличает окружающих обычно церковный иерарх, устами которого говорит откровение о славном подвиге подвижниц. «Блаженный Питирим говорил им: “Безумны вы, она же и мне и вам мать, и я молюсь, чтобы мне уподобиться ей, избранной”» (1). «Отче Серафим (Саровский) сказал: эта женщина, которую ты видишь, будет великий светильник на весь мир» (2). «Выходит батюшка такой взволнованный, и объясняет, что Пелагея Ивановна великая раба Божья, и что не он ее, а она его исповедала» (2). В ответ уличенные каются в злобе сердца, в непонимании, гонении, поношении, сокрушаются и винятся. Особенности словоупотребления, снижение разговорного стиля передают атмосферу гротеска и уничиженности, окружающую юродивого. «Все пали ему в ноги, исповедуя, что выливали на нее помои, били кулаками, сыпали в ноздри ее горчицу» (1). «Но были между сестрами и такие, которые упорно продолжали преследовать подвижницу божью своею ненавистью и всячески осуждали ее и укоряли» (2).

С этого момента уличение меняет вектор. Функция уличения переходит к юродивому. «Ты сидишь здесь в пустыне, среди соблазнов многих, блуждая мыслью по миру» (1). «Как она это встанет, выпрямится, да так грозно, и ударила его по щеке. Видно, правильно обличила...» (2). Аскетические и молитвенные подвиги открывают связь с божественным. В даре прозрения подвижник уличает нас в грехах наших, провидит тайное. Коммуникация с юродивым односторонняя, вступить в нее по собственному желанию мы не можем. Как определяет возможность и необходимость контакта сам юрод? В провидении о грехах наших, обретаемое силой Благодати Божьей. Механизм

⁸ Штайн О. По ту сторону лицевой и изнаночной // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — Т. 12. — 2011. — Вып. 3. — С. 254–259. — С. 254.

⁹ Иоанн (Зизиулас), митр. Пергамский. Общение и инаковость. — М.-Париж, 1995. — С. 212.

уличения в коммуникации активизирует восприятие участников, обостряется интуиция, со всей очевидностью обнажаются пороки человеческие, становятся совершенно ясными, как на уровне сознания, так и подсознания.

Встреча с юродивым неуязвима в со-творчестве, она творит память души человеческой. В любви Бога мы узнаем себя и одновременно творим, так открывается человеку талант приятия и принятия, истинное смирение творит новую реальность. Встреча становится неотъемлемым условием узнавания. Социальная реальность реагирует на узнавание, как на идентификацию — проверкой, уличением.

Уличение — главный вид испытания юродивого. Культурная функция приема социального поименование в варианте окружающие — герой, нравственное определение в соответствии с христианским канонem в варианте герой — окружающие. Уличение проявляет феноменологическую сущность христианского подвига.

Подвиг юродства — одна из самых необычных и противоречивых форм подвижничества. Уличение юродивого становится одной из целей коммуникации, в ходе которой наблюдается поведенческая аффективность субъектов, направленная на провокацию скандала. Унижение и поношение в процессе уличения создают предельно высокий эмоциональный фон. В эмоциональном пространстве аффекта и надрыва формируются предпосылки к возникновению импринтинга, пробуждению архетипической памяти и формированию культурного кода.

Память смертная становится сутью подвига и значением кода. Подвижник приводит человека мирского к покаянию и смирению. «Подвижник опытно познает сосредоточение ума на Богомыслии, и тогда память смертная помогает ему думать о последнем дне, подлинно умалиться в бесконечном усилии любви, обрести страх Божий», — писал схииерхимандрит Иоанн (Маслов)¹⁰. В смирении став малой частицей перед лицом Господа, вступить на спасительную дорогу к вечной жизни. В унижении искупить грехи, в покаянной сердечной молитве обрести Благодать Духа Святого. Находясь в парадигме христианского сознания, можно определить смысл Встречи с подвижником как откровение о грехе отчаяния, путях спасения души и обретения вечной жизни.

Архетип salosa-юрודה один из старейших хранителей культурной информации. В религиозных переживаниях нашему современнику явлена особая интенция сознания. В творчестве Встречи осуществляется преобразование смыслов, выход к Другому. Мы узнаем друг в друге себя и одновременно рождаем себя в стихии экзистенциального. Находясь на границе жизни и смерти, профанного и сакрального подвижник открывает опыт переживания границы повседневному. Ментальные связи активизируют пару «жизнь/смерть» и функцию смыслового преобразования. Смерть, являясь культурным кодом феномена юродства, формирует модель поведения, основанную на приемах выживания.

Инстинкт смерти с одной стороны кодифицирует фатализм человеческих отношений, с другой стороны высвечивает экзистенцию надежды. Функция юродивого в трансформации кодированной информации и самого кода смерти. Юродство во Христе кодифицируется как религиозный подвиг смирения и самоотвержения, *культурный код которого определяется соотношением понятий «смерть/спасение»*. В любви Бога мы узнаем себя и одновременно творим. Истинное смирение творит новую реальность. Так открывается Встреча, в которой явлена граница.

¹⁰ Схииерхимандрит Иоанн (Маслов). Глинская пустынь. — М., 1992. — С. 42.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергсон А. Творческая эволюция.— Мн., 1998.
2. Жития святых, изложенные по руководству Четых Миней Св. Дмитрия Ростовского.— М., 1902–1911.
3. Иоанн (Зизиулас), митрополит Пергамский. Общение и инаковость.— М.-Париж, 1995.
4. Ковалевский И. Юродство о Христе.— М., 1902.
5. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление.— СПб., 1994.
6. О. Иоанн Маслов. Глинская пустынь и ее подвижники.— М., 1992.
7. Палладий. Лавсаик.— СПб., 1850.
8. Паисий (Величковский). Крины сельные.— Афон-Одесса, 1910.
9. Сказания о Христа ради юродивой Пелагеи Серебrenиковой.— Джорданвилл, 1967.
10. Словарь старославянского языка. Словарь Чешской Академии наук.— СПб., 2006.
11. Старославянский словарь (по рукописям 10–11 веков).— М., 1999.
12. Штайн О. По ту сторону лицевой и изнаночной // Вестник Русской христианской академии.— Т. 12.— 2011.— Вып. 3.— С. 254–259.
13. Этимологический словарь славянских языков.— М.: Праславянский фонд, 1988.— Т. 15.
14. Leontios de Neapolis. Vie de Symeon le Fou et Vie de Jean de Chypre Ed. A.-J. Festugiere.— 1974. (BHG, 1677).
15. Murrey S. A Study of the Life of Andreas.— Leipzig, 1910. (BHG, 115 z — 117 b).